

Белинский в Москве

В августе 1829 года у одной из московских застав остановился запыленный возок. Городская стража стала проверять документы. У одного из путников, восемнадцатилетнего юноши, их не оказалось. Метрическое свидетельство в суматохе отъезда было забыто дома, в далеком Чембаре, Пензенской губернии. Пришлось пойти на хитрость и назвать крепостным слугой ехавшего с ним состоятельного человека Владыкина. После этого приезде были пропущены через заставу.

Сбылись мечты Виссариона. Он был в том городе, где жили и творили властители его дум: Пушкин, Карамзин, Грибоедов. С именем Москвы связывалось представление о светочех русской науки — Московском университете, куда стремился сын бедного уездного лекаря.

Первые дни пребывания в Москве для молодого человека были наполнены заботами и тревогой — отсутствие метрического свидетельства задерживало поступление в университет. Но, несмотря на это, великий город сразу пленил его воображение. Древняя столица с седым Кремлем, Красной площадью и возвышающимся на ней памятником великим патриотам Минину и Пожарскому вызвала у пылкого юноши такие слова: «Из всех российских городов Москва есть истинный русский город, сохранивший свою национальную физиономию, богатый историческими воспоминаниями, ознаменованный печатью священной древности, и зато нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве».

31 августа Виссарион Белинский держал приемные испытания, и через два дня был зачислен в число студентов Московского университета. Велико было значение этого учебного заведения для современников. Товарищ Белинского по университету, будущий писатель И. Гончаров, говорил: «Наш университет в Москве был святилищем не для одних нас, учащихся, но и для их семейств и для всего общества. Образование, вынесенное из университета, ценилось выше вся-

кого другого. Москва гордилась своим университетом, любила студентов, как будущих самых полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества. Студенты гордились своим знанием и дорожили занятиями, видя общую в себе симпатию и уважение... Даже простые люди, и те при встречах ласково провожали глазами юношей в малиновых воротниках».

Шумно проходили вечера в комнате № 11 студенческого общежития — первой московской квартиры Белинского. Комната эта сохранилась по сей день. Здесь по целым ночам велись горячие споры по вопросам философии, морали, истории и искусства. Белинский, противник всякой пошлости и фальши, был жестоким гонителем всего реакционного, консервативного. Тайно ходившие из рук в руки запрещенные стихи Рыльева и Пушкина будили в студентах мечты о свободе. Белинский в это время часто посещал Малый театр. Незабываемое впечатление произвела на него игра П. Мочалова и М. Щепкина.

Осенью 1830 года в Москве вспыхнула эпидемия холеры. Лекции в университете прекратились. Студентам запрещалось покидать общежитие. В это время Белинский и его товарищи организовали литературное общество. Каждый из его членов должен был прочитать какое-нибудь свое произведение.

В результате того толчка, который университет дал мыслям Белинского, появилась его пьеса «Дмитрий Калинин». В этой пьесе, продолжая традиции Радищева, он выступает с резким протестом против крепостного права. Восторженно встреченная в среде товарищей, она вызвала бурю негодования среди университетского начальства. Белинский попал под своего рода полицейский надзор и в 1832 году был исключен из университета «по ограниченности способностей», как гласила циничная резолюция. Начальство проявило в Белинскому такую враждебность, что не остави-

ло ему даже полагающегося казенного платя, хотя его нищета ни для кого не была тайной.

Очутившись за порогом университета, Белинский оказался без всяких средств к жизни. Он искал уроков или литературной работы. Наконец, в мае в маленьком московском журнале «Листок» было напечатано его стихотворение «Русская боль», названное народным творчеством и очень характерное для настроения молодого Белинского. Это было первое произведение будущего великого критика, увидевшее свет. К этому же времени относится его знакомство с русским народным поэтом А. Кольцовым. Их объединяла общая ненависть к крепостничеству, желание работать на благо народа. По-другому звучали стихи Кольцова после знакомства с Белинским.

Большое значение для будущего критика имело сближение с кружком Станкевича, объединявшего выдающихся представителей русской молодежи. Кружок этот часто собирался в пансионе Павлова на Дмитровке. Виссарион Белинский в ту пору погружен в научные и философские занятия. Это была пора искания, пора формирования его как литератора, философа, гражданина. Теория не была для него самоцелью. Он стремился применить ее со всей беспощадной последовательностью к жизни. Недаром в этом кружке он заслужил имя «невостового Виссариона».

О том, где и в каких условиях жил Белинский в это время, говорят воспоминания И. Лажечникова, который посетил его жилище в каком-то переулке между Трубной площадью и Петровкой (возможно, это Рахмановский или Крапивинский). Автор «Ледяного дома» зашел к нему и ужаснулся обстановке, в которой жил будущий критик. В нижнем этаже работали кузнецы, раздавался непрерывный гром молотов. Рядом с каморкой Белинского, которая никогда не запиралась (украсть было нечего), помещалась прачечная, из которой все время шел запах мыльного белия и мыла. «Какое было дышать этим воздухом, особенно ему, со слабой грудью!» — восклицает Лажечников.

К 1833 году относится личное знакомство Белинского с издателем московских

журналов Надеждиным. Надеждин оценил выдающийся критический талант молодого Белинского и привлек его к сотрудничеству в своих журналах «Телескоп» и «Молва». Отношения их становятся настолько близкими, что Белинский переселяется на квартиру Надеждина, которая находилась на университетском дворе, направо у ворот, выходящих в Долгоруковский переулок (ныне улица Белинского).

В то время на углу Воскресенской и Театральной площадей, в наше время переименованных в площади Революции и Свердлова, возникла кофейня, известная под именем «Печкинской». Кофейня быстро стала любимым местом сборищ литераторов и актеров. Ее посещали Герцен, Горбунов, Григорьев, Катков, Островский, Писемский, Фет, Грановский, Бакунин, актеры Ленский, Мочалов, Щепкин, Живокин, П. Садовский, Самарин и другие. «Кто знает, сколько кофейня Печкина разнесла по Руси истинной любви к науке и искусству», — пишет Фет, вспоминая свою молодость. Часто бывал у Печкина и молодой Белинский.

Читатели журнала «Молва» в одном из сентябрьских номеров 1834 года увидели статью, подписанную «Он — инский». Это были «Литературные мечтания» Виссариона Белинского. Первое крупное выступление Белинского произвело огромное впечатление на читателей и сразу выдвинуло начинающего критика в центр литературной жизни всей России. Никто до Белинского с такой страстью и любовью не предъявлял требования к искусству быть народным. Никогда еще не звучали с такой непоколебимой уверенностью слова о великом будущем русской литературы.

В 1836 году царским правительством были закрыты издаваемые Надеждиным журналы. Причиной этого явилось напечатание в «Телескопе» «Философического письма» Чаадаева. Белинского в связи с этим делом арестовали, но за отсутствием улик вскоре освободили. Вновь наступил для него дни черной нужды.

Перед Белинским, тяжело больным чахоткой, встал призрак могилы. Но все жизненные невзгоды не могли поколебать

его глубокий принцип, не подорвали веры в светлые идеалы. Ставивший счастье общества выше собственного благополучия, Белинский не продал своих убеждений и продолжал жить в бедности, предпочитая полуголодное существование честного человека обеспеченности продажных писак. При помощи окружающих его друзей он уезжает для лечения на Кавказ. В сентябре 1837 года, возвратившись в Москву, уже известный России критик вновь испытывает все тяготы материальной необеспеченности.

Весной 1838 года положение Белинского несколько улучшается. Работая в журнале «Московский наблюдатель», он становится преподавателем Константиновского межевого института. В то время институт этот находился на Покровском бульваре, где сейчас помещается детский парк Красногвардейского района. Будучи учителем русского языка, Белинский вкладывал в педагогическую работу все свое горячее сердце, весь свой творческий ум. Жил он в этот период на квартире инспектора института на Старой Босманной, в доме № 21 (ныне улица К. Маркса).

В апреле 1839 года И. Панаев, сотрудничавший в петербургских «Отечественных записках», приехал в Москву, чтобы привлечь к работе в этом журнале Белинского. Критик жил в одном из тихих переулков у Никитского бульвара, в деревянном одноэтажном домике, вросшем в землю. Для того, чтобы произвести впечатление на Белинского, Панаев подкатил к его дому в карете, запряженной четверкой лошадей. Белинский в это время лежал на диване и читал книгу. Услышав топот лошадиных подков, нарушивших тишину, Белинский раздраженно захлопнул окно. Панаев, сконфуженный своим «эффектным» появлением, смущенно постучал в дверь. Ему открыл Белинский. «Передо мной, — рассказывал Панаев, — стоял человек среднего роста, лет около тридцати на вид, худощавый, бледный, с неправильными, но строгими и умными чертами лица, с тупым носом, с большими серыми выразительными глазами, с густыми белокурыми, но не очень светлыми волосами, падавшими на лоб, — в длинном сюртуке, застегнутом накриво... Я просидел у него

с полчаса... Я вышел за ворота и пошел пешком. Мне стыдно уже было садиться в мою карету... и я приказал ей следовать за мною. — Только, пожалуйста, без шума и грома, — сказал я кучеру».

Через несколько дней Белинский пригласил Панаева с женой на новоселье в дом № 10 по Арбату. Когда пришли Панаевы, им показалось, что они попали в оранжерею. На последние тридцать рублей ассигнациями Белинский накупил цветов. «Весело будет работать, не буду видеть из окна грязного двора», — объяснил он посетителям.

В конце октября 1839 года вместе с Панаевым Белинский уезжает в Петербург. На прощание присутствовали Катков, Бакунин, Кетчер. Панаев пишет в своих воспоминаниях: «Белинский решительно встал. Наша дорожная карета давно уже ожидала нас у подъезда. — Ну, прощайте, господа, — сказал он, — не забывайте меня. Все бросились обнимать Белинского... Когда карета двинулась и мы высунулись в окно, Бакунин с нежной грустью смотрел на нас, махая своим платком. Катков стоял неподвижно, со сложенными накрест руками, с надрывными на глаза бровями, провожая нас глубоким и задумчивым взглядом».

Свою любовь к Москве Белинский выражал горячими, идущими от сердца, словами: «О, Москва, Москва! Жить и умереть в тебе, белокаменная, есть верх моих желаний. Признаться, брат, расстаться с Москвой для меня все равно, что расстаться с раем».

Десять лет, прожитых Белинским в Москве, наложили неизгладимый отпечаток на все его творчество. В этом городе началась его литературная слава, отсюда он уехал, обогащенный общением и личными дружескими связями с талантливейшими людьми своего времени. Москва, родина гениальных писателей русского народа — Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Герцена, Достоевского, А. Островского, являлась для Белинского второй матерью. В Москве рос и укреплялся его талант критика и революционного демократа.

П. ЮРИН.